

Невидимые Двери

Габьяна Томас

Татьяна Томах
Невидимые двери

«Автор»

2026

Томах Т.

Невидимые двери / Т. Томах — «Автор», 2026

Равновесие нарушено. Мир на пороге катастрофы. Из-за истончившихся границ появляются мифо-звери – существа из легенд. Миллионеры развлекаются в битвах за очередное волшебное создание. На охоту за единорогом, собравшим множество пророчеств и слухов, отправляются отчаявшиеся безумцы и отчаянные храбрецы со всего мира. Этот поход сталкивает друг с другом самых странных героев. Огненный герцог, который не может справиться с собственным пламенем. Заклинательница цветов, по воле которой живут растения. Создатель иллюзий, потерявшийся между собственными творениями и жизнью. Сын часовщика, угодивший в стеклянный лабиринт своей памяти. Владелец старой рыбацкой лодки, который вынужден плыть на зов заблудившихся – при том нарушая законы пространства и времени. Их ведет мечта о легендарном единороге и волшебный посох, умеющий создавать невидимые двери. Они отправляются в этот поход ради спасения собственной жизни - но получается, что спасение самого мира оказывается в их руках.

© Томах Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вне игры. Альма	6
1. КАМЕНЬ	7
Ход 1. Играйте в наши развивающие игры всей семьей	18
Ход 2. Число шагов, которые игра позволяет сделать игроку, всегда случайно	24
Ход 3. Назначение ролей происходит в самом начале игры	30
Ход 4. Во время игры нельзя поменять роли	33
Ход 5. Некоторые ходы не дают игроку возможности выбора	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Татьяна Томах

Невидимые двери

*«... в пылающих лабиринтах, затерянный среди горящих звезд
на этом истомленном негорящем уголке... Немо вспоминая, мы ищем
великий забытый язык, утраченную тропу на небеса, камень, лист,
ненайденную дверь...»*

Томас Вулф.

Вне игры. Альма

– Зачем ты пришел? Разве я умерла?

Марк улыбнулся. Легко, кончиками пальцев приподнял черную лаковую крышку. Альма, задохнувшись от ужаса, смотрела, как изломанные уродливые отражения скользят по черной глади. Гроб – подумала она, – а там, внутри...

Мелькнули бело-черные полосы, оскаленные зубы. Альма отпрянула. Беззвучный крик рвал горло, сжавшееся от страха.

Руки Марка замерли над насмешливо оскаленной пастью с длинным рядом блестящих зубов.

– Ты не играешь?

– Нет! – крикнула Альма, отступая назад. Ее отражение в глубине лаковой крышки тоже отступило и съезжилось. Черно-белая усмешка рояля стала еще ослепительнее и шире. Приглашала: попробуй. Тронь меня и посмеемся вместе. Потянись к музыке, которая заперта в моей мертвой черноте – и я отгрызу твои неловкие ладошки...

– Попробуй, – предложил Марк. Эхом на беззвучный голодный смех рояля.

– Нет!!!

– Жаль, – в спокойном голосе Марка скользнуло огорчение. – У тебя бы получилось.

– Я не могу.

– Почему?

У него была очень милая и юная улыбка. Карие глаза с солнечными зайчиками в глубине. Загорелая гладкая кожа, и ни одной седой нити в блестящих темных волосах. Такой же молодой, как и десять лет назад.

– Почему?

– Я не могу играть. Разве ты не знаешь? Разве... – Альме очень хотелось дотронуться до его руки – гибкого сильного запястья, длинных пальцев с коротко стриженными ногтями. Прекрасные, волшебные руки, под которыми рождалась самая лучшая музыка в мире... – Я не могу играть с тех пор, как ты умер...

– Хочешь, я помогу тебе? – предложил Марк, будто не услышав последних слов. – Сыграем вместе?

1. КАМЕНЬ

*Время отныне крадется вслепую –
Лишь тайной тропой твоих вен
Элисео Диего*

Время было похоже на камень.

Кусок скалы, который откололся от вершины и соскальзывает вниз. Ты еще пытаешься удержать его, пятясь и упрямо упираясь в его твердые бока, но уже понимаешь, что это бесполезно. Ломаются ногти, выворачиваются суставы дрожащих пальцев, подгибаются колени. Слезы и пот кислотой выжигают глаза, а усталость и отчаяние – сердце. Обломки прожитого времени хрустят под ногами. Хрупкие кости мертвых минут и часов. Ломкие тени мертвецов, которые прошли по этой дороге до тебя, пытаешься удержать черную тяжесть времени человеческими слабыми руками. Но так никогда и не удерживая...

Через два месяца ей должно было исполниться двадцать пять. Иногда Альма гадала, доживет ли она до своего юбилейного дня рождения. Иногда ей становилось все равно.

Может, не стоит доживать?...

Просто разжать руки и выпустить время-камень на свободу?...

– А зачем этот камень? – спросил Роландо.

– Это не камень, а якорь, синьор, – ответил Мигель.

– Оставь эти расшаркивания, Мигеле, – поморщился Роландо, – мы же старые друзья? Или ты все забыл?

– Как раз потому, что я помню, я решил на это... да, что уж, вилять – настоящее преступление! Что до титула, который даровал сам король вам лично, сиятельный дон Лама, герцог Ла Пальма, мастер огня повелитель вулканов...

– ...просто Роландо!

– Эдак и святую деву вы велите мне называть «просто Мария»! Ладно-ладно, я шучу, – загорелое лицо Мигеле, до того хранившее самое постное выражение, вдруг расцвело в улыбке, и в глазах заискрился смех: – надо же было проверить, что ты не зазнался! Я-то помню, как мы вместе бегали по этому берегу в драных штанах и босиком и продавали богатеньким туристам креветок и ракушки. Вот и ладно. Рад, что ты не зазнался. Потому что для герцога, донна и тем более, Заклинателя я бы нипочем не стал этого делать, но для старого друга Роландо...

– Да о чем ты говоришь то? Что за преступление? Почему мы тут крадемся в потемках с этим фонарем? И зачем мы воруем эту дырявую старую лодку?

– Я бы попросил! – возмутился Мигель, – я, конечно, бедный рыбак...

– Да-да, – проворчал дон Лама, герцог Ла Пальма и повелитель огня и вулканов, – какой по счету рыбный завод ты открыл?

– Всего-то второй, – скромно ответил Мигель, – куда мне там до вашего сиятельства... Но даже на грани бедности разве я стал бы воровать лодку к кого-то другого, кроме самого себя!

– Признаться, – заметил огненный герцог, – я не очень понял насчет этой комбинации. Ты ворует эту разбитую калошу у самого себя?

– Совсем это не калоша! – возмутился Мигель, – а раритет! Еще мой дедушка ловил на ней рыбу! И я ее совсем недавно просмолил и заткнул все щели свеженькой пенькой! Вот, гляди, какая отличная пенька! Еле отыскал ее, пришлось прошерстить все антикварные аукционы!

– Спасибо, обойдусь. Я в твоей пеньке не разбираюсь, к тому же боюсь ее случайно спалить... поверю тебе на слово, что она восхитительна. Но все равно, не пойму, зачем вообще нужна эта пенька и заодно калоша, то есть, извини, раритет твоего дедушки? Если ты такой

скупердяй, несмотря на доход от рыбных заводов, хочешь я сам подарю тебе новенькую лодку из супер-пласта, кстати, знаешь, он еще огнеупорный? и даже куплю туда встроенный навигатор?

– Так-так, – Мигель обернулся и пристально посмотрел на друга: – что-то мне нравятся все эти разговоры насчет «спалить» и «огнеупорный»? Ты уверен, что сейчас держишь себя в руках? Ты ведь не собираешься ...ну это...вспылить прямо тут – и поджечь мою лодку? Лучше давай определимся с этим вопросом тут, на берегу.

– Не настолько уж я и вспылчивый... – пробурчал дон Лама, отворачивая в сторону закаменевшее лицо. – Зря я все это тебе наболтал. Не надо было пить это проклятое порто и вспоминать наше детство... Я забылся, болван. Забыл, что мы уже не те мальчишки, которые клялись в вечной дружбе на этом самом берегу... Я, верно, тебя испугал своими...гм... жалобами и проблемами? И теперь ты тоже будешь держаться от меня подальше?

– Даже не подумаю, – фыркнул Мигель, – хотя бы и стоило. Ты все-таки, Роландо какой-то вспылчивый – загорелся на ровном месте, вот, гляди, у тебя рука уже искрит и рукав обугливается! Плеснуть на тебя водички? Или сам?

– Извини, – спохватился огненный герцог, упал на колено и быстро сунул правую руку в море. Вода вокруг зашипела, повалил пар. Дон Лама поморщился и отвернулся.

– Больно? – участливо спросил Мигель.

– Щиплет, – вздохнул Роландо, – терпеть не могу воду. Извини.

– Да ладно. Я имел в виду – когда вот так загораясь, больно?

– А, это. Наоборот. Даже приятно. Поэтому я и не замечаю, как оно происходит, – дон Лама вздохнул. – Пожалуй, Мигель, я и вправду, становлюсь опасным. Пора мне сдаваться инспектору...

Огненный герцог уселся прямо на грязные доски пирса, не жалея своего роскошного шелкового костюма. В его черных глазах, в которых только что плясали огненные искры, теперь была тоска.

– И что дальше?

– Ну что... Запрут в огнеупорную камеру. Обколят успокоительными. Если буду себя хорошо вести, разрешат вместо уколов Мастера Иллюзий. У меня же теперь прорва денег, знаешь, хватит на самого лучшего. Только... особой разницы то нет... А когда понадобится – ну, усмирить там очередной вулкан – будут временно вынимать из этой камеры, чтобы я сделал, что им надо. А когда совсем выйду из под контроля – а такое случится рано или поздно, сам знаешь, чем больше мы набираем силы, тем меньше ей владеем – ну тогда уже пристрелят. Сразу, конечно, нет, они меня, знаешь, ценят... Особенно сейчас, после Кумбре-Вьеха...

Огненный герцог криво усмехнулся.

– Или еще кутнем напоследок, а Мигеле? Снимем хороший отель, позовем музыкантов, актрисок и лучших жриц иллюзий – я знаю парочку отличных... Зажжем напоследок? – дон Лама хохотнул. – А потом, – мрачно добавил он, – я, пожалуй, спалю этот проклятый отель... и подарю тебе пепел на память. Чтобы ты меня иногда вспоминал. Нас. Наше последнее приключение... От меня то, ведь знаешь, потом не останется даже пепла. Даже урны с прахом. Или там, могильного камня...

– Нет уж, хватит пока зажигать. Обойдемся без пепла. У меня есть другая идея. Другое приключение. Помнишь, мы в детстве мечтали о разных путешествиях? О поисках чудес и сокровищ? Вот, считай, это оно.

– Приключение? – в глазах дон Лама вспыхнул – нет, на этот раз, не огонь – а интерес. – Поиск сокровищ?

– И чудес, – добавил Мигель.

– Что ж, пожалуй, это поинтереснее отеля с актрисками и чудесами из иллюзий...

– К тому же, – добавил Мигель, – если я прав, и дело выгорит...тьфу, не то, не обращай внимания, то есть, если все получится... Но пока особенно ни на что не рассчитывай, а то опять заволнуешься и чего доброго загорисья...

– Ты меня совсем не боишься? – перебил его Роландо.

Мигель махнул на него рукой.

– Я же понимаю, что ты не желаешь мне зла, – сказал он, – мы ведь друзья. Да и у тебя всегда был горячий нрав, я привык. Что до случайных возгораний твоего тела – мы поплывем на лодке, а значит, кругом будет вода. Если что, я просто столкну тебя в море, а когда охолонешь, так уж и быть, вытащу обратно.

– Это и настораживает, – пробурчал Роландо, – что кругом будет вода. Я ее не люблю. Слишком мокрая.

– Ну, это ж вода, – Мигель пожал плечами, – но обещаю, я тебя оттуда вытащу, если тебе станет плохо. Ну, что, доверишься мне? Мы ведь друзья?

Роландо немного помолчал, глядя теперь на море, которое плескалось возле самого пирса – и уходило вдаль, до самого горизонта. Ему, и правда, было не по себе перед такой массой воды. Он чувствовал себя беспомощным и слабым. Маленькой искоркой, которая может исчезнуть бесследно среди этого морского бесконечного простора. Никто и не заметит. Огонь внутри, который в последнее время пылал все ярче, все сильнее горячил кровь и кружил голову ощущением власти и всемогущества и так все больше забирал власти над самим Роландо, теперь испуганно притих. И это было, пожалуй, хорошо.

– Доверюсь, – решил Роландо. – Я знаю, что ты не желаешь мне дурного. Но не понимаю, что ты собираешься делать.

– А пока и не надо, – ответил Мигель. Я ведь и сам не уверен, что получится.

– Но могли бы хотя бы плыть туда...не знаю, куда... в эти приключения... хотя бы на какой-нибудь более надежной лодке? И более... огнеупорной? У тебя ведь наверняка есть такие?

– Есть, и даже пять штук, это только личных, а если считать...

– Ладно, я понял, обойдемся без подсчета. Тогда почему мы собрались в море – кстати, ты заметил, что там немного штормит? – не на одной из этих прекрасных лодок, а на этой калоше твоего дедушки, то есть, раритете?

– Лучше не болтай, а полезай в калошу...то есть, раритет...тьфу, ты меня совсем заговорил! Словом, полезай туда, пока я не передумал, – проворчал Мигель, отвязывая веревку и разматывая парусину, в которой обнаружили два деревянных весла – таких же древних, как сама калоша, то есть, раритет.

– Дай угадаю, – предложил Роландо, – еще твой дедушка в свое время всю пользовал эти весла, а одно из них он слегка поломал о хребет морского чудовища? Может, и правда передумаем? Просто вернемся ко мне домой и допьем это прекрасное порто? У меня еще пара ящичков есть в подвале, если что. И обдумаем получше предложение насчет отеля, актрисок и прочего. Кстати, – Роландо поежился, – я уже начинаю слегка трезветь, а на свежую голову твоя затея кажется все более странной.

– Не волнуйся, я об этом подумал и захватил с собой пару бутылочек, – Мигель ухмыльнулся и потряс объемистым мешком, в котором что-то приятно звякнуло, – неизвестно ведь, сколько нам придется плыть.

– Это и настораживает, – заметил герцог и задумчиво покосился на старую лодку, которая покачивалась у пирса и выглядела так, что вот-вот развалится. – Не говоря про то, что я смутно понимаю цель нашего путешествия. И сильно сомневаюсь насчет...калоши... то есть, раритета твоего дедушки. Она, небось, вспыхнет, как бумажная, от малейшей искры? И ты еще, кстати, что-то говорил про преступление?

– Ну, хм... – Мигель, кажется смутился. – Просто я обещал Кларе больше никогда не трогать эту лодку...

– Очень разумное обещание, какая, однако, умница твоя Клара... – заметил Роландо.

– Я даже клялся девой Марией! – добавил Мигель и понурился.

– Так может не стоит нарушать эту прекрасную клятву, мой друг? Зачем нам это? – огненный герцог с некоторым облегчением отступил от края пирса. – Не выпить ли нам по глоточку? – предложил он. – И не вернуться ли в дом? Тут все-таки столько этой проклятой воды...

– Отличная мысль, – одобрил Мигель. Повозился в мешке и, выудив оттуда бутылку, сдвинул край маски – и присосался к горлышку. – В этих масках, – заметил он, передавая бутылку приятелю, – уже пора бы придумать какое-то приспособление не только для соломинки, но для бутылки. Неужто они не могут сообразить, что только какой-нибудь извращенец из этих модников «миллениалов» станет пить такое прекрасное порто через трубочку, будто это молочный коктейль! Тьфу! Как они могли такое даже представить!

– Извращенцы, – подтвердил Роландо, в свою очередь прикикая к бутылке с восхитительным сладким и пряным напитком. С некоторых пор ему самому маска была не нужна. Это, с одной стороны немного пугало – поскольку означало, что даже дышит он теперь не совсем так, как обычный человек. С другой – ему нравилось, наконец, чувствовать настоящий ветер на лице. К тому же, его огню тоже нравился ветер – в отличие от воды.

– Разве можно пить такую божественную амброзию через какую-то соломинку!

– Именно! – согласился Мигель.

– Кстати, у меня дома остались приличные стаканы для этого порто, – заметил Роландо, – и закуска!

– Закуску я тоже захватил, – Мигель снова позвенел мешком. – И одеяло. Тебе, наверное, не нужно, ты и так согреешься. Но я то так не умею. А неизвестно, сколько нам придется плыть.

– Это истораживает... Я ведь уже это говорил? Что меня тутстораживает... слишком многое... И одеяло, и весла, и дедушкин раритет, и этот камень... А почему камень то? У тебя, что даже не нашлось денег на обычный якорь?

– Хватит уже представлять меня каким-то скупердяем! – возмутился Мигель. – Я – не он. У меня два завода, три лайнера, пять личных лодок, и на всех отличные новенькие якоря! А камень...ну...камень потому что... потому что я не уверен, что если что-то поменять, то все сработает...

– Что сработает? – удивился Роландо – и даже, кажется, опять немного протрезвел.

– Да я пытаюсь спасти тебя, дурень! – воскликнул Мигель – и отчаяние и даже слезы в его голосе не позволили усомниться в его искренности.

– Да? – растерялся Роландо, огненный герцог и повелитель вулканов. Он был изумлен не столько словами друга, сколько тем фактом, что кому-то пришло в голову его спасти. Спасались обычно от него самого, особенно – в последнее время, – то есть, эти приключения и чудеса... Они не просто так... Они для меня?

Огненный герцог вдруг почувствовал то, что уже ощущал много лет – с тех пор, как в нем ожил его огонь – слезы на глазах.

– Ты правда... – дрогнувшим голосом уточнил он, – правда хочешь меня спасти?

И даже не стал добавлять очевидное – что это невозможно.

– Именно так, – торжественно ответил Мигель. И добавил: – Я сделаю что смогу. А в остальном – да поможет нам Дева Мария!

После чего решительным движением швырнул в старую лодку потрескавшиеся от времени весла и камень, который он почему-то называл якорем.

– Давай помогу, тетя, – предложила Мария. Поправила ремень сумки на плече, а потом взялась за ручку второго баула.

И вздохнула:

– Будто камень волоку каждый день...

– Не так уж и тяжело, – проворчала тетя Люба. – Ладно, давай уж я сама.

– Да нет же, – отмахнулась Мария. – Я не про это. Сама сумка вовсе не тяжелая. А твоя еще легче.

– И знаешь почему? – заметила тетя Люба.

– Это потому что у меня никакого таланта к торговле, – вздохнула Мария. – Это, понимаешь, не мое...

– Да ладно, какой тут талант! Просто побольше уверенности! Напористости. Оптимизма.

– Я и говорю – талант...

– Да, с опытом придет, – Тетя Люба махнула рукой.

– Про это я и говорю, – Мария опять вздохнула. – Кажется, будто я каждый день волоку в гору камень, а он...

– Да я и сама устала. Еле дышу. Давай зайдём выпьем по коктейльчику?

– Ты слышала про Сизифа, тетя?

– Кого? Это новый репер, что ли? Или блогер? Вот, развелось их, всех не запомнишь уже... Вот в наше время были звезды так звезды!

– Нет, тетя, Сизиф – это тот, у которого камень... Он каждый день втаскивал его в гору, а потом...

– А вот, и кислородный бар, как раз для нас! Идем, там и доскажешь про свой камень.

Время было похоже на камень.

– Мне пора, – голос Сомбры, неловкий, срывающийся. Как балансирующий на провисшем канате акробат, который попытался сделать сальто и потерял равновесие.

– Да, конечно, – согласилась Альма, не поднимая взгляда. Не лги мне – хотела сказать она. Не лги хотя бы сейчас.

Сомбра торопливо поцеловал жену в висок, царапнул кожу сухими холодными губами. Потянулся к двери.

– Ты скоро?

– Что? – он дрогнул и обернулся.

– Скоро закончишь эту игру?

– Игру? – лицо Сомбры вдруг застыло на мгновение, потом дернулось, как застрявший кадр фильма с древнего поцарапанного диска, и снова ожило – губы растянулись в улыбке, чуть выгнулась правая бровь. Но ощущение старого фильма, где персонажи плоские и бледные, а сюжет предсказуем, потому что просмотрен уже много раз – осталось. Альма пожалела о вопросе. Как будто Сомбра почуял в нем какой-то совсем другой смысл.

– Да, – слишком безмятежно улыбнулся муж. – Осталось... осталось немного подправить... Поменялись правила, и...

– Разве так можно?

– Что? – в дрожащей улыбке мужа мелькнула неуверенность, в глазах – страх.

«Я так больше не могу, – подумала Альма. Горло перехватило, дрожащие пальцы сжались в кулаки. – Я сейчас закричу или ударю его. Зачем он это с нами делает?!» Она медленно выдохнула сквозь зубы, отвела взгляд в сторону. Только не видеть ложь в его глазах.

– Разве можно менять правила, если игра уже написана? – голос сухой и спокойный, ногти вонзились в судорожно сжатые ладони, взгляд приклеен к дверному косяку, на котором дрожит мятая пугливая тень любимого мужчины.

– Это непросто. Чем дальше, тем сложнее, но...

– Понятно. Конечно. Тогда иди. Правила игры – это важно. Очень важно все исправить, пока не поздно.

Альма говорила с изломанной тенью, как будто надеялась убедить ее выпрямиться, вывернуться наизнанку, вернуть своей светлой человеческой половине прежний цельный облик. Вернуть прежнего мужчину, которого Альма помнила. Как будто можно было вернее найти его в зыбких клочьях тени, а не в живом лице и глазах.

– Возвращайся, – тихо попросила Альма эту тень. – Я буду ждать.

– Скоро, – ответил Сомбра, – Я вернусь скоро. Ты даже не заметишь, что меня не было. Он, конечно же, врал.

Он не собирался возвращаться.

Изломанная тень дрогнула, метнулась вбок и исчезла.

Бесконечно медленно закрывалась дверь. Альма опять будто раздвоилась и очутилась одновременно внутри старого, много раз виденного фильма – и снаружи. В уютном кресле кинотеатра, с ведерком вонючего поп-корна в дрожащих ладонях.

Она двигается, говорит, живет – не зная будущий сюжет, а только смутно предчувствуя.

И одновременно смотрит кино, вспоминая, что произойдет в каждую следующую секунду. И знает, что именно сейчас мучительно долго тянется последнее мгновение, когда еще все можно изменить. Сейчас та самая точка истории, где сценарист задумался, замерев над незавершенным текстом. Точка, где сюжет мог резко повернуть в любую сторону.

У нас все могло бы быть по-другому, – подумала Альма.

Если бы.

Если бы я никогда не встречала Марка.

Если бы он не умер.

Если бы я смогла смириться с его смертью. Перестать тревожить его тень, видеть ее, говорить с ней – и любить ее. Бесплотную тень мертвеца – вместо живого человека. Так долго, что этой памятью, словами – и любовью к мертвецу, я превратила в тень живого человека.

А саму себя – в мертвеца.

Она с отчаянием смотрела в захлопнувшуюся дверь.

Только сценарий уже написан, фильм снят, актеры сыграли роли. И изменить на самом деле ничего нельзя. Вернуть на место обломок разломившейся скалы. Остановить лавину, которая уже летит вниз по склону, сминая все живое в обломки, пыль и пепел. Разве можно сейчас изменить правила игры?

Разве можно задержать летящий в пропасть камень?

У тебя камень вместо сердца – бывало, говорили ему. А Леслав только улыбался. Так и надо – думал он. Так и должно быть. По-другому мне нельзя. Я погибну, если будет не так.

Как еще выжить мастеру иллюзий, который меняет лица, жизни и имена с легкостью, с которой модник меняет наряды. Каждый день – новый, а старый – тут же забыть, швырнуть в угол гардероба, пусть прислуга вынесет на помойку или беднякам в церковь, куда угодно. Сброшенная змеиная шкурка, кому она нужна, только неудачникам, которые не умеют вырастить свою собственную, каждый раз новую, блестящую и красивую.

Но потому же не стоит увлекаться. Нельзя прирасти к этой шкурке своей кожей, иначе это будет слишком больно. И тем более – сердцем.

В очередной раз отбросив прочь старую одежду, имя, внешность и жизнь – что тогда делать с сердцем, которое вросло в эту жизнь, позволило запутать себя паутиной привязанностей, и хуже того – чувств? Рвать по живому, корчиться от боли, умирать каждый раз, прощаясь с очередной иллюзорной жизнью?

Ну уж нет.

Лучше уж жить с камнем вместо сердца, которое не привязывается ни к чему и ни к кому.

Только один раз Тадуеш ошибся.

Один раз позволил сердцу ожить. Впрочем, он вовремя спохватился и успел сбежать, пока все не зашло слишком далеко. Пока он не врос в ту, очередную придуманную жизнь, очередной образ.

Ах, как он был хорош! Романтик, бродяга, поэт и музыкант. Какие стихи он писал. И как нежен был изгиб гитары под ладонью и послушны струны. И как нежна кожа той женщины... И музыка... Музыка была во всем. В ее глазах и движениях, в тихом голосе. В бесконечной нежности взглядов и прикосновений. В рассветах и закатах, которые они встречали вместе.

Она была не совсем человек – как и он сам. Видно, поэтому, так все и сложилось.

Создатель иллюзий и Заклинательница цветов. Садовница.

Она умела обращаться с цветами, и не особенно – с людьми. И сама была, как цветок – ранимая, нежная, красивая. Под ее волшебными руками оживали даже умирающие цветы. И Леслав. Он был тогда растоптан и раздавлен – и сам себе напоминал ошметки раньше бодрого и колючего кактуса, рамазанные по пустыне колесами джипа босса Солано. Кто же знал, что проклятый Солано не поддается иллюзиям. Кто знал, что он просто притворялся.

В будущем Леслав больше не допускал таких ошибок. Всегда проверял. Сперва осторожно выяснял, не иммунен ли, случайно, к иллюзиям его новый противник. Не сорвется ли из-за этого новая игра.

А тогда он был изранен не только физически, но и душевно. От него остались те самые ошметки.

Но садовница Флора собрала Леслава снова – из этих ошметков и колючек. Как будто, он и вправду был, растоптанным полумертвым растением. Она не боялась испачкать руки и поранить нежную кожу. А ведь он бывал с ней груб. И язвителен, и мрачен. Отвратительным типом он иногда был, как она только вытерпела.

Потом, конечно, опомнился. Придумал – специально для нее – бродягу, поэта и музыканта. Ей понравилось. Всем такое нравилось, но для нее он особенно постарался.

И он так увлекся, что сам не заметил, как начал вращаться в эту, придуманную жизнь. Любить Флору. Засыпать и просыпаться рядом с ней. Сочинять эти проклятые стихи. Неплохие, кстати. И музыка.

Опомнился однажды. Испугался. Понял, что почти забыл самого себя – прежнего.

И тогда он сбежал. Обещал ей, конечно, что вернется. И в тот момент, что уж – действительно верил в это.

Думал тогда – расквитаюсь с Солано. Подойду к нему с другой стороны. Отдам старые долги. И врагам – и бывшим друзьям.

И вернусь к Флоре уже не нищим бестолковым поэтом, беглецом, которого ищут и бандиты и полиция – а богатым и свободным. Отплачу ей за любовь и заботу. Подарю ту жизнь, которой она заслуживает. Богатую, роскошную, сказочную. Самую лучшую. Все, что она сама захочет.

Но чтобы это сделать, нужно было, конечно, сперва успокоить живое сердце, которое рвалось обратно к Флоре. Опять превратить его в камень.

И так, постепенно, опять привыкнуть к тому, что так и нужно.

Потеряться в своих собственных иллюзиях, в придуманных именах и жизнях.

Но теперь... Почему теперь кажется, что это не сердце – камень, а наоборот. Что оно живое. Что оно тоже – просто притворялось камнем, как и сам Леслав. Но больше у него нет сил.

Потому что, на самом деле, камень лежит на этом, живом сердце. Камень прежней жизни и воспоминаний. Невыплаченных долгов и счетов. Нарушенных клятв и обещаний.

Взгляда Флоры, каким она провожала его в последний раз.

И что теперь, спрашивается, делать с этим камнем?...

Как камень на камень он громоздил одну ложь на другую. Так, что уже стало просто вопросом времени, когда рухнет эта... башня? Или стена – которая отделила их друг от друга... Вот как так получается? Ты всего-то хочешь построить дом, чтобы защитить себя и свою любимую от опасностей внешнего мира, уютный тихий дом, куда не проникают неприятности и проблемы из мира реального... А получается не дом – а стена между вами.

И в какой-то момент очередной камень покачается, и все они посыпятся друг за другом. Но нет, не для того, чтобы разрушить эту стену – а чтобы похоронить вас обоих под обломками этой стены. Вас обоих, вашу любовь, доверие, надежду – и несбывшуюся жизнь.

«Я вернусь» – сказал он Альме. И увидел ее глаза, будто смотревшие сквозь него.

Она все знала.

Про стену из вранья. Про похороненное под обломками доверие, надежду и несбывшуюся жизнь.

Про то, что сама она, Альма, душа его, свет и любовь, умирает. А он, Сомбра, ее муж, поклявшийся любить и оберегать, быть опорой и каменной стеной – предал ее. Упустил. Позволил своей любимой, своей душе погибнуть.

И потому сам он теперь тоже – почти мертв. Превратился в тень.

И потому она и смотрит так, будто сквозь него. Как иначе можно смотреть на тень?...

И, спотыкаясь на обломках прежней жизни, он теперь бредет, сам не понимая, куда... а эти бестолковые обломки, которые уже ни во что не склеить – острые камни больно режут босые ступни...

Могильный камень был весь в бисеринках дождя. Они искрились на солнце, выглянувшем из-за хмурых туч. И казалось, будто кто-то рассыпал на гранит алмазы, отдавая последнюю дань Катине, жрице Иллюзий, лучшей в «Доме сбывшихся надежд», легкомысленной и мудрой, сентиментальной и доброй. Слишком юной – чтобы умереть так рано. И так страшно.

Роза провела рукой по этому камню, будто хотела набрать этих алмазов в ладонь. Но ничего не вышло – перчатка просто стала мокрой, словно кто-то залил ее безутешными слезами.

Под маской лица Розы было не разглядеть. Потом, когда они вошли под купол морга, девушка стянула маску, и Лист увидел, что щеки сестры тоже блестят от слез. А глаза ее полны страха.

Лист подергал ее за руку. Когда она наклонилась, он увидел совсем близко слипшиеся от слез ресницы.

– Уходи оттуда, – шепнул он ей на ухо. – Пообещай мне, что уйдешь. Только не ври мне, поняла? Не смей придумать для меня какую-нибудь... иллюзию! Пообещай, что не станешь мне врать!

– Не стану, – Роза слабо улыбнулась.

– Я уже не маленький, – строго сказал ей Лист, – и не надо меня утешать. Просто пообещай, что оттуда уйдешь. Ты же сама не хочешь оставаться? Ты же не хочешь... когда-нибудь, как она?

Он кивнул в ту сторону, где сейчас застывал от холода и дождя могильный камень Катины.

Роза смотрела на брата. В ее глазах стояли слезы. Боль, растерянность и страх. И еще обреченность.

И Лист понял заранее, что она ему скажет.

– Я не могу, – почти беззвучно, одними губами, сказала она. – Договор. Мы все подписываем договор. И очень большая неустойка, понимаешь?

– Сколько? – хмуро спросил Лист. Хотя уже понял по ее лицу – что много.

– Ей просто не повезло, – быстро сказала Роза. – Я буду осторожна.

– Она тоже так говорила, – зло перебил ее Лист. – Она была хорошая! Ты говорила – она была лучшая! За что ее так?!

– Тихо, – Роза испуганно сжала его ладонь, – здесь нельзя шуметь. Пойдем. Там уже ждут... Следующие похороны...

Лист вырвал свою руку из ее холодных дрожащих пальцев.

– Следующие? – горько кривя губы, переспросил он. – Уходи, пожалуйста, Роза. Или давай убежим, вместе? Куда-нибудь далеко...

Роза испуганно помотала головой.

– Я подумал знаешь что? – зло и отчаянно зашептал он, пока сестра тащила его, упирающегося, к выходу. – Когда я смотрел на тот камень? Я вспоминал, как мы вместе пили чай, еще три дня назад! И как она смеялась! И как говорила, что всегда осторожна! И я подумал, что в следующий раз под ним будешь уже ты, Роза! Слышишь! Ты – под этим камнем!

«Камнем – подумал Яппель. – Я бы хотел стать камнем. И больше не слышать их всех. Люди... такие утомительные. Лживые. Эгоистичные. Двуличные. Деньги, ненависть и страх. Вот что у них в голове. Я так устал это слушать».

– Лайза, – тихо сказал он, наклоняясь к самому уху клиентки. Прямо перед ним качнулась сережка с крупным бриллиантом, от сияния которого головная боль вспыхнула с новой силой. Яппель поморщился и прикрыл глаза. Закрытые веки, к счастью – или сожалению – ничуть не мешали ему слышать мысли всех присутствующих.

И он опять пожалел, что нельзя сейчас встать и сбежать отсюда подальше – на такое расстояние, где все эти мысли превратятся в невнятный гул.

А еще лучше – превратиться в камень прямо тут, не сходя с места. У камней ведь, наверняка, не болит голова?

– Лайза, ваш муж опять врет, – сказал Яппель, преодолев этот соблазн титаническим усилием.

– Не удивлена, – прошипела она сквозь зубы, – Мерзавец.

Яппель с ней согласился. Он уже давно брался только за те дела, которые, по его мнению, могли хоть немного восстановить справедливость.

И черноглазый смазливый красавчик который с наглым видом сидел на скамье подсудимых, был как раз одним из таких случаев.

Яппель, конечно, не понимал, что Лайза в нем нашла. И зачем успешной, талантливой и богатой певице, обласканной вниманием поклонников, было выходить замуж за это убожество.

Примерно с полгода смазливый красавчик довольствовался ролью любящего мужа при богатой и занятой жене. Маялся бездельем, транжирил деньги супруги и даже, тщательно скрываясь, завел парочку любовниц. Но потом ему стало мало. И он решил, что роль богатого вдовца его устроит больше. Лайза, к счастью, пережила покусение. Но теперь была совершенно раздавлена информацией о роли в прошедшем своего обожаемого супруга.

– В следующий раз, – со вздохом посоветовал клиентке Яппель, – пригласите Переговорщика заранее. Например, на свадьбу. А лучше – на помолвку. И предложите кандидату не только обмен клятвами, но и ритуал обмена мыслями.

– Больше никогда, – мрачно сказала Лайза, бросая уничижительный взгляд на красавчика, который, видно, что-то, наконец, понял, и больше не выглядел таким самоуверенным. – Больше никогда я не свяжусь с мужчинами. Простите, – спохватилась она и виновато покосилась на Яппеля.

– Ничего, – вздохнул он, – я понимаю. Я и сам...

– Вы ведь не женаты? – догадалась Лайза.

– Больше никогда, – сказал он.

– Но как же... вы ведь... – она смущенно замолчала.

– Я был не очень опытным. И наивным, – вздохнул он. – Еще плохо знал людей. Не так хорошо... умел их слышать. И мне казалось... неправильным – подслушивать, не доверять...

– Мне тоже, – согласилась Лайза.

– К тому же, – добавил он, – люди меняются со временем. И часто – в худшую сторону.

– То есть, обмен мыслями перед помолвкой, – уточнила она, – не вариант?

– Не гарантия, – согласился Яппель.

– Как-то вы не очень хорошо рекламируете свою работу, – усмехнулась Лайза.

– Мне она уже надоела до невозможности, – признался Яппель.

Лайза бросила на него внимательный и задумчивый взгляд и протянула:

– Понимаю...

Это вряд ли – подумал Яппель. Он, конечно, пытался закрываться от мыслей тех, кого не хотел читать. Но проблема в том, что со временем он слышал их все лучше и лучше.

И от мыслей самой Лайзы ему сейчас тоже было тошно.

И опять захотелось сбежать. Подальше ото всех людей.

Или превратиться в камень.

Камень – подумала Фиа. Вот этот маленький камушек. Если его выковырять, тогда можно будет сдвинуть решетку. И пройти за первое ограждение. А там уже просто обычная дверь со щеколдой.

Надо просто осторожно, чтобы никто не заметил.

Тогда у нее будет свой тайный проход.

И это вовсе не взлом и, тем более, не воровство.

Просто он там умирает. А никому нет дела. Никто не слышит его боль. Никто не хочет помочь. Ну, то есть, они как-то пытаются – но неправильно.

А ему больно. И страшно.

Она просто поможет. Спасет его.

Надо всего-то сдвинуть один крохотный камушек.

Он был внутри камня.

Иногда казалось, что это стеклянный лабиринт – и есть надежда найти в нем правильный путь, разобраться во всех этих поворотах среди невидимых стен. И, наконец, выбраться на свободу.

Но иногда, в минуты ослепительной ясности, Тай вдруг начинал осознавать и видеть особым, почти божественным зрением, все мироустройство – будто механизм гигантских часов, с которых, наконец, подняли крышку. Он видел все – даже самые крохотные колесики, связь тончайших пружин, движение шестеренок, передаваемое от одной детальки к другой.

И тогда Тай понимал, что это не лабиринт, а камень. Точнее, лабиринт, заключенный внутри камня. А значит, выхода из него в любом случае нет.

И тогда его захлестывала ярость. Ему больше не хотелось разбираться в правилах игры, в замысловатых поворотах стеклянного лабиринта. Ему хотелось передать ход Зверю – и позволить ему сокрушить эти стены. Разломать хрупкую вязь часового механизма, остановить надоедливое тиканье. Вырваться, наконец, из темницы – сломать изнутри этот ослепительно красивый проклятый камень.

– Камень? – удивилась Аля.

– Камень, – наставительно сказал отец, – может заменить любую фигуру.

И аккуратно положил маленькую круглую гальку на игровую доску.

– Не волнуйся, – улыбнулся он, – еще найдем пропавшего твоего единорога, куда он денется. А пока – сыграем?

И он двинул вперед камень, обозначая первый ход.

Ход 1. Играйте в наши развивающие игры всей семьей

*В конце концов
Не результат нам важен, а игра –
тот пруд, где отражается природа
Элисео Диего*

Игра для Али

– Я так рад, что ты вернулась, девочка, – сказал папа. Обнял ее и легонько похлопал ладонью по спине.

– Да, – ответила Альма. Подумала с жалостью и нежностью: как он постарел. Седой затылок, лысеющие виски, морщинистые впалые щеки. Альма прижалась щекой к его худому плечу, вдохнула знакомый и любимый запах одеколона. Ей вдруг захотелось – так сильно, что от острой невыносимой тоски перехватило дыхание – захотелось действительно вернуться. Вернуться в детство, когда папа был высоким и молодым, и в его сильных руках можно было спрятаться от всего страшного, плохого и непонятного. Невозможно – подумала Альма, опять почувствовав на плечах тяжесть черной скалы времени и хруст мертвых дней и лет под ногами... Невозможно.

Но когда папа, отодвинув на край стола чашки с недопитым чаем, осторожно выложил на середину потертую деревянную доску, Альма ахнула. На секунду время мигнуло, перестало сыпаться оползнем, замерло под ногами устойчивой твердью. Как раньше, в детстве, когда дорога была пряма и определена, и разве что ноги иногда оказывались слабыми и неуверенными, но тогда можно было опереться ненадолго на папину руку. Вот в чем разница – подумала Альма. Сначала мир устойчив и надежен, но ты только учишься в нем ходить, поэтому неудачи – поправимы. Нужно просто стать более сильным и ловким. Или найти того, на кого можно опереться. А вот когда сам мир, прежде устойчивый и понятный, начинает разваливаться на части, с этим уже ничего не поделаешь. И ничья, даже самая крепкая рука не удержит тебя на разломанной пополам земле...

Но эта доска с потертыми черно-белыми клетками была из того, прежнего цельного мира. Как спасательный круг в штормовой зыби настоящего. И Альме вдруг показалось, что возвращение в тот мир возможно. Пусть ненадолго, на несколько мгновений. Но и этого пока довольно, чтобы перевести дыхание и не захлебнуться...

– Это та самая? – тихо спросила Альма.

– Конечно, – кивнул папа, улыбаясь.

– А фигуры?

– Что?

– Фигуры те же?

– Конечно, – подтвердил папа. – Ну, что, сыграем? Ты еще помнишь правила?

– Фигуры, – папа осторожно обнял пальцами тонкую талию черной пешки. – Мы думаем, что играем ими, но вдруг оказывается, что это они заставляют нас играть по своим правилам.

Черная фигурка казалась такой хрупкой и маленькой в папиной руке.

Папа был большой и сильный. Он знал совершенно все на свете – и даже больше. Семи-летняя Аля пока еще не нашла вопроса, на который у папы не было ответа. И ответы эти часто получались чудесными, волшебными историями. Кое-что Аля в них не понимала – но ведь так

и должно быть с настоящим волшебством? Например, как вот эта маленькая фигурка может играть большим и сильным папой?

– Пешка проходит трудный путь – и становится королевой. Слабая подневольная фигура вдруг оборачивается всемогущей и в один миг меняет все правила игры. Ап! – Папа спрятал руки за спину. Аля смотрела, затаив дыхание, предчувствуя – не фокус, а настоящее волшебство.

Она знала совершенно определенно, что папа был волшебником. Но правила – не игры, а этого мира – таковы, что об этом нельзя говорить вслух. Поэтому для отвода глаз волшебники здесь работают продавцами книг, как папа или булочниками, как дядя Петер. Папа почти всегда говорил, пробуя только что выпеченные булочки с корицей и малюсенькие кексы с цукатами и изюмом.

– Ты настоящий волшебник, Петер!

Однажды Аля решилась переспросить. Осторожно подергала за рукав, выпачканный в муке, и когда дядя Петер наклонился с вопросительным выражением на лице, тихонько спросила:

– Это правда?

– Что, малышка?

– Вы волшебник?

– Ну конечно, – так же тихо признался дядя Петер.

– А мой папа?

– О, он самый главный волшебник, – подтвердил дядя Петер, заговорщически подмигивая.

– Я так и знала, – серьезно кивнула Аля. – Спасибо, – и она взяла еще один кексик, представляя как на кухне дяди Петера маленькие человечки размешивают тесто с изюмом и лепят булочки – поэтому-то они и получаются такими крошечными...

– Ап, – сказал папа. Его рука вынырнула из-за спины. Крепко уперевшись в ладонь крошечными золотыми копытцами и выгнув гибкую шею, на папиной руке стоял черный единорог.

– Ах, – восхищенно сказала Аля. Взгляд единорога был одновременно лукавым и строгим. Папа улыбнулся.

– Ну вот. А ты вчера плакала, что потерялся черный конь.

– Ты сказал, он от нас ускакал погулять?

– Ну, понимаешь, Аленька, фигуры тоже иногда устают играть. И сбегают с игрового поля. Иногда даже вопреки правилам.

– И мы его не нашли!

– Ну, значит, он не захотел. Вот, теперь этот зверь пришел вместо него.

– О, – выдохнула Аля. – Он такой красивый... Он будет с нами играть?

– Конечно. Он специально для этого пришел.

– А как он ходит?

Папа улыбнулся.

– Как ты захочешь.

Папа осторожно поставил единорога на доску среди остальных, привычных фигур. Рядом со стройным отчаянно храбрым офицером, и черной королевой, которая в отличие от добродушной белой, была тощей и злой.

Аля моргнула – ей показалось, что единорог двинулся, и нестерпимо ярко вспыхнуло копытце на тонкой ноге, приподнявшейся в ожидании первого хода.

Игры миллиардеров

В начале мая, когда черный единорог впервые был замечен в Уральских горах, самый дорогой Переговорщик и миллиардер Яппель официально заявил, что, не торгуясь, выложит миллион евродолларов счастливчику, который приведет ему единорога. На поводке или в клетке, способ поимки и доставки Яппеля не интересовал – единственным условием было не ранить зверя и не попортить его эбеново-черную атласную шкуру.

В пояснении к словам Яппеля, сейчас же растиражированных средствами массовой информации, было замечено, что его зверинец является одним из самых богатых в мире, и обладание черным единорогом вознесет его (зверинец, а не Яппеля, который и так уже был вознесен и превознесен неоднократно, в частности, как спаситель исчезающей фауны) – на недосягаемую высоту. И даже чахлые висячие сады с коллекцией экзотических животных, включая знаменитого чешуекрылого грифона, принадлежащие нефтяному Заклинателю Агасису, в этом случае просто будут неспособны выдержать подобную конкуренцию. В данный момент между основными соперниками состязания на лучшую коллекцию мифозверей установилось некоторое равновесие. Упомянутый грифон Агасиса и его же шестилапый длинношерстный бегемот по значимости более или менее соответствовал василиску Яппеля, дышащему огнем в специальном огнеупорном павильоне. Учитывая, конечно, еще и крылатого змея. Хотя Агасис во всеуслышание заявлял, что маленькую непримечательную змейку смешно ставить вровень с бегемотом, на что Яппель однажды тонко заметил, что не в размере дело.

Крылатый змей Яппеля был размером с небольшого удавчика и отличался от обыкновенных пресмыкающихся только четырьмя парами небольших перепончатых крылышков на пятнистой гибкой спине. Функциональное назначение крылышек было непонятно, потому что летать змей не умел. Судорожно хлопая крыльями, он грустно ползал по огромному роскошно оформленному вольеру, и, несмотря на усилия лучших зоологов и Заклинателей змей, нанятых Яппелем, почти ничего не ел. В содержании мифозверей была серьезная проблема – никто не знал, как за ними ухаживать и кормить. Крылатый змей соглашался пить только молоко альпийской ламы, и испуганно уползал на другой конец вольера от предлагаемых лягушек и дождевых червей, которых обычно с аппетитом уплетали его бескрылые собратья. Молока он пил немного и было видно, что этого явно недостаточно – змей слабел день ото дня. Злопыхатели и сторонники Агасиса предрекали, что змей скоро подойдет, и Яппель проиграет соревнование.

В СМИ писали, что, мол, Яппель каждый день сидит возле вольера со змеем, скорбно наблюдая безрезультатные попытки вспотевших профессоров биологии и Заклинателей умаслить ползучего гада перепелиными яйцами, нежным филе страуса и прочей всевозможной экзотикой. Наверное, готовится вскоре готовить филе из самого змея – так, как Агасис накормил своих гостей шашлыками из водяного дракончика.

Изначально дракончиков было двое. Их обнаружили, весело резвящимися на знаменитом Лох-Несском озере. Это был второй случай появления мифозверей. Агасис заплатил за эту парочку баснословную сумму, но при отлове нежную кожу одного дракончика повредили – и вскоре, несмотря на усилия нанятых Агасисом медицинских светил и лучших Заклинателей, зверек умер. А второй был настолько угнетен смертью своего друга, что, не обращая внимание на все деликатесы, которыми его пытались накормить, только нервно и безостановочно носился в бассейне по кругу. Он чах и сох на глазах – и Агасис сделал единственно возможное для поддержания престижа владельца мифозверя – велел приготовить из дракончика жаркое. На ужин были приглашены сливки общества – и он стал самым скандальным за последние десятилетия. Последователи Зеленых клеймили миллиардера и смешивали его с грязью – но аккуратно, потому что Агасис мог сам смешать кого угодно, и с чем-нибудь похуже грязи. Попробовавшие жареного драконьего крылышка, гордились этим достижением, как-никак это было

таинство поедания единственного в мире мифического животного. Сам Агасис был доволен. Дракончик так или иначе бы издох – днем раньше или днем позже, но Агасис изменил неприглядность ситуации – не ситуация распорядилась им, а он – ситуацией. Теперь получалось, что не дракончик подох у Агасиса, который оказался не способным его содержать, а Агасис велел изжарить дракончика, потому что, видите ли, нефтяному королю захотелось “мифического” шашлыка. Агасис гордо улыбался с обложки журнала “ Наши великие современники”, держа в одной руке чучело дракончика с глазами из настоящих изумрудов, а в другой – аппетитный, истекающий золотистым жиром шашлык.

Теперь журналисты злорадно предрекали, что Яппелю придется пойти по стопам Агасиса со своим нелетающим змеем. Хотя это уже будет не ново и не так интересно.

И вот, словно в ответ на все эти терзания Яппеля, в Уральских горах явился черный единорог.

Когда факт появления единорога был подтвержден почти десятком независимых свидетелей, в торг включилось еще несколько любителей мифозверей – и, конечно, Агасис. Он с ходу предложил за единорога два миллиона евродолларов, заставив стушеваться остальных претендентов. Яппель тут же перебил цену Агасиса.

А к августу единорог стоил уже три миллиона.

Игра Сомбры

Он обернулся несколько раз. Казалось, жена смотрит ему вслед за закрытой дверью. Она все знает, – подумал Сомбра. Во рту стало кисло от металлического привкуса – даже не страха, а обреченности. Привкуса медной монеты, которую затолкали под застывший язык, насильно раздвинув холодные губы. Как будто сам Сомбра уже был мертвецом, безвольной слепой тенью, и теперь кто-то другой вел его по дороге, в конце которой возле черной реки ждал сумрачный старик на призрачной дряхлой ладье.

Глупости. Умирать было не ему. Не его ждал сейчас старик возле черной реки. Но от этой мысли становилось еще хуже. И от понимания, что уже ничего не исправить.

Что я могу? – подумал Сомбра. Ничего. Обычно этот ответ успокаивал его.

Кто я? Просто тень.

Всегда был. Незаметный. В тени более успешных и богатых друзей. Невидимка.

Странно, что Альма заметила его.

Они сидела в шумной компании, куда Сомбру привел друг – один из тех, успешных и удачливых.

И казалось, будто она сидит не вместе со всеми – а одна. Смотрит сквозь всех, не замечая их. И ее будто почти никто не видел.

– Кто это? – спросил Сомбра.

– Где? – удивился друг. Потом разглядел. – А! Бывшая звезда. Упавшая. Точнее – не взлетевшая. Не знаешь? Они с женихом играли вместе. Он – на фортепьяно, она – на флейте. Говорят, у обоих был дар сирен. Официально не зарегистрированный. Регистрация же обязательна для певцов, именно тогда воздействие считается очевидным. А просто игра на фортепьяно... ну так... говорят, слишком слабое действие, недостаточно, чтобы заморозить. Хотя их концерты собирали всегда полные залы. Они были талантливы, оба. Увлечены музыкой. И друг другом.

– Были? – уточнил Сомбра. Он что-то такое припомнил. В новостях. – Пианист, который умер за роялем?

– Да. Кажется, сердце. Она с тех пор тоже не играет. Не знаю, на что живет. Наши девочки с ней учились, иногда приводят ее за компанию. Но, кажется, ей все равно.

Альма тогда была похожа на тень. Бледное лицо, прозрачные глаза. Худые плечи, острые косточки на ключицах. Дунешь – и улетит. Растворится, как дым. Как творение мастеров иллюзий, которое исчезает, стоит им отвести руку.

И такая же прекрасная. Идеальная.

Сомбра иногда думал – может, это так и есть?

Может, сама Альма и есть иллюзия?

Уже потом, когда он, действительно, подсел на иллюзии, ему все чаще стало это казаться. Что Альма тоже – его выдумка. Что на самом деле ее нет.

Может, так было потому, что в иллюзиях он почти всегда заказывал ту жизнь, которая у них с Альмой так и не сбылась.

Ту, в которой Альма его полюбила. И они оба были счастливы.

Сперва, конечно, он пытался придумать эту жизнь наяву. Для них обоих.

Но видел, что все получается не так.

Он ей не подходил. Был не таким. Тенью того, кого она помнила.

Иногда Сомбра удивлялся, почему Альма вообще выбрала его. Возможно, как раз поэтому? Потому что он всегда умел быть тенью. Незаметным. Появляться только тогда, когда ей было нужно. Не обижаться, когда она смотрела сквозь него. Когда называла чужим именем.

Он понимал, что и сам не представляет собой ничего особенного. И что, в общем, ничего не может дать Альме. Но он старался.

Решился бросить надежную, но малоденежную работу, влезть в рискованный проект. Игра «твой идеальный мир» с эффектом погружения. Проработанные локации, отличная графика. Никаких квестов и монстров, наоборот. Казалось бы, востребованный запрос – когда реальный мир катится в пропасть, кому не захочется найти убежище хотя бы в мире придуманном. Где можно дышать на улице без масок, где за удовольствие прогуляться по аллее среди живых деревьев не нужно платить бешеные деньги.

Но оказалось, это никому не нужно. Зачем пытаться вжиться в чужой выдуманный мир, если любая жрица иллюзий подарит тебе собственный мир. Вытащит из подсознания самые потаенные желания и мечты – и заставит тебя поверить, что это все сбылось наяву. Пусть ненадолго, но зато так ярко. А попробовав один раз, ты будешь возвращаться туда снова и снова.

Зависимость от иллюзий, создаваемых жрицами и мастерами, в последнее время все пытались признать аналогом наркотической – с применением соответствующих законов и ограничений – но пока эти законы не проходили. Физический вред здоровью не доказан, а что до привыкания – мало ли... кто-то увлечен сериалами или книгами, кто-то компьютерными играми – что ж, не запрещать же теперь это все.

Идея с игрой провалилась, так и не взлетев. Деньги закончились, остались одни долги.

Нужно было, наверное, как-то рассказать это Альме, но он не знал как. И имеет ли это какой-то смысл сейчас, когда она умирает.

И что он может сделать. Как всегда – ничего.

Просто вложить свою руку в ладонь невидимого поводыря и идти следом за ним. Потому что все равно ничего не разглядеть в темноте. Потому что все равно, другой дороги нет.

В темноте было ничего не разглядеть. Сомбра нашарил вслепую на стене допотопный выключатель. Он снимал комнату из самых дешевых, в старом доме, с древними коммуникациями. Менять здесь ничего не хотелось. Временное убежище. Именно так он себе и сказал три года назад, когда пришлось сюда перебраться из офиса. Временное убежище от временных трудностей.

Замысловатые лабиринты из вранья, которые Сомбра выстроил в своей жизни и где порой уже сам терял ориентацию, были той же природы. Временные убежища от временных трудностей. Хотя, большей частью они выстраивались сами собой – наспех возведенный зыб-

кий свод искал опоры в надежных стенах, угрожая рухнуть под грузом тяжелой правды, а стены предполагали новые своды, уводя призрачный коридор все дальше от действительности.

Медная монета лежала за щекой, замораживая до бесчувственности язык, горло и дыхание. Не его плата. Для женщины, которая вложила доверчиво свою руку в его ладонь, а Сомбра привел к черной реке.

Игра для Али

В детстве она терпеть не могла обычные девчачьи игры. Куклы-принцессы с капризными личиками, которых нужно было обряжать в замысловатые одежды, усаживать за игрушечным столом и поить пластмассовым чаем. Скукота. Или, еще хуже, толстые пупсы, которые пытались прикинуться настоящими – моргали жуткими стеклянными глазами, шевелили руками, и даже притворялись, что умеют говорить. Как будто механическое хныканье и повторение невпопад: «Меня зовут Жени, а тебя?» могло сойти за человеческий разговор. Если играть по правилам, то есть, отвечать словами из цветной книжечки-инструкции, которые знал пупс, казалось, что он, и правду, умеет говорить. «Жени, хочешь есть? – Хочу. Ням-ням. – Жени, что ты хочешь на обед? – Ягодный кисель Фрусти полезен и мальчикам и девочкам». Ну разве так говорят нормальные дети? Аля быстро раскусила, что пупс просто прикидывается живым, а на самом деле... Что он хотел на самом деле, Аля не понимала, и от этого пупсовые притворства становились еще более жуткими. Под кружевной распашонкой, на розовой мягкой спинке («Жени щекотно, хи-хи», – верещал пупс, дрыгая ногами и норовя вывернуться из рук) Аля обнаружила хорошо замаскированную крышечку. Крышечка скрывала жуткие внутренности пупса – клубок черных, неторопливо шевелящихся змей.

«Меня зовут Жени, а тебя? Ням-ням.», – бормотал пупс и настойчиво скреб по полу скрюченной ручкой, пытаясь подползти к Але. Скалился голодно и одновременно заискивающе, а черные провода шевелились под кружевной распашонкой. Ужас сдавил горло, Аля не могла не то что кричать, но и дышать, пятась от распластанного улыбающегося монстра.

Но папа каким-то невероятным образом услышал беззвучный Алин ужас и пришел ее спасать. Опомившись, Аля с рыданием бросилась ему за спину.

– Детка, детка, – успокаивал ее потом папа, обезвредив напугавшее дочь чудовище. – Это просто игрушка.

– Глупая, глупая игрушка, – хмуро ответила Аля, немного смущенная из-за своего неожиданного испуга. Пупс, быстро и бесстрашно нейтрализованный папой – неподвижная раскоряка в мусорном пакете – выглядел безобидно и даже жалко.

– Глупая, – согласился папа. – А давай с тобой сыграем в хорошую игру? Вот, смотри, я сейчас тебе объясню правила.

Ход 2. Число шагов, которые игра позволяет сделать игроку, всегда случайно

*Ему сообщили, что у Королевы два лица.
И что ни одним из них она никогда не улыбается.
Элисео Диего*

Как раз в августе Леслав Тот почуял что-то неладное.

То есть, он всегда знал, что когда-нибудь эта игра тоже закончится. Наверное, просто не хотел верить. И когда запах опасности настиг его – как острый запах подкравшейся лисицы достигает ноздрей перепуганного кролика, чтобы теперь гнать его до тех пор, пока он не выбьется из сил – Леслав оказался к этому совершенно не готов.

Он надолго запомнил день, когда это произошло – когда первый за последние несколько лет и, почти незаметный, булавочный укол беспричинной тревоги пощекотал его задремавшее от спокойной жизни чутьё. Хотя, нет – причины для тревоги были – они были всегда, а чутьё до этого не раз спасало ему жизнь. Просто последние события его жизни были настолько приятными – пожалуй, даже, чрезмерно, – и Леслав, привыкший всегда быть настороже, как упомянутый кролик, позволил себе немного расслабиться. И когда запах тревоги пощекотал его ноздри – легонько, так, что этого можно было не заметить, Леслав Тот пропустил это мимо.

Он проезжал с утра лошадь – как обычно. Нового, недавно купленного жеребца, чистокровного араба, тонконового трехлетка, черного и норовистого, как дьявол. В первые полчаса араб задавал жару – на рыси то козлил, то закидывал голову, пытаясь встать на дыбы – и раза два ему это удалось; а на галопе несколько раз пытался понести. В общем, демонстрировал все признаки скверно выезженной лошади. В конце концов, Леслав слегка отдал ему повод – и позволил вволю поноситься по кругу манежа, втапывая в свои собственные следы свежие опилки. Когда араб начал уставать, Леслав взял повод жестче, и заставил жеребца укоротить галоп, а потом перейти на шаг. И на этот раз араб послушался не с десятого раза, а всего лишь со второго.

– Вот и умница, – похлопав по черной, блестящей от пота, шее, похвалил его Леслав, сам взмокший от напряженной борьбы с жеребцом. Араб фыркнул, насторожил уши, покатав во рту железо, словно раздумывая, не прикусить ли его еще раз, и нерешительно покосился на Леслава, закатывая умный, сливово блестящий глаз.

Потом они минут десять смирно пошагали по кругу, вполне довольные друг другом, – вспотевший, роняющий ключья пены, но еще полный задора, жеребец, и внимательно наблюдающий за ним в ожидании очередного сюрприза, Леслав. Жеребец был хорош. Очень хорош, только с ним нужно было повозиться. А Леслав любил лошадей, с которыми нужно было возиться.

Он даже придумывал иногда для себя крохотную иллюзию – будто он сам Заклинатель лошадей, а не Создатель иллюзий. И тогда разговаривал с лошадьми и прислушивался к ним – представляя, что они отвечают.

Как бы он хотел, чтобы так было. Быть бесполезным по нынешним временам – и никому не нужным Заклинателем лошадей. Впрочем, тогда он бы выезжал лошадей не для себя – а для каких-нибудь богачей, достаточно сумасбродных, чтобы увлечься таким дорогим и несовременным хобби.

Это случилось, когда он уже ничего ожидал. Леслав успел соскочить с седла и ослабить подпруги, собираясь вести жеребца в денник. Успокоившийся араб заинтересованно обнюхивал широко раздутыми ноздрями кусочек сахара на ладони – залог мира и начинающейся дружбы. И тут позади, за спиной Леслава, что-то звякнуло. Жеребец испуганно отпрянул в

сторону, прижав уши и косясь на источник звука, и Леслав, пытаясь поймать ускользающий из ладони повод, потерял равновесие. Он падал, кривясь от боли, на неловко, с хрустом, подогнувшееся колено; потолок манежа поворачивался над головой, заслоня весь мир. А потом потолок – и весь мир – но) заслонило иссиня-черное, поджарое брюхо взлетевшего на дыбы жеребца. Леслав уже почти видел, как копыта, судорожно мельтешащие в воздухе в поисках невидимой опоры, опускаются – и всей полутонной тяжестью лошадиного тела размазывают по опилкам манежа неловкое и жалкое человеческое тело.

Нога-таки не подвела, повернулась в последний момент и вытолкнула Леслава в сторону. Он упал, сгруппировавшись и откатываясь в сторону – за секунду до того, как грохнули вниз – как раз на то место, где он только что был – тяжелые копыта.

Он даже не упустил повод и сумел удержать прыгнувшего было в сторону хрипящего жеребца. И почти успокоить его.

– Ну, ну, малыш, – ласково пробурчал Леслав, чувствуя, как торопливо и тяжело колотится сердце. Похлопывая едва не убившего его “малыша” по выгнутой шее, осторожно перебрал в руках поводья, пресекая дальнейшие возможные попытки араба еще как-нибудь порезвиться. И только тогда обернулся – к источнику звука, так перепугавшего жеребца.

Источником была железная лопата, с размаху грохнувшаяся на пол, а теперь зажатая в руках молоденького конюха с испуганно выпученными глазами.

– Вы что же это, – прошипел Леслав, косясь на поджимающего уши жеребца. Хотелось наорать, но орать было нельзя, чтобы опять не напугать коня. – Вы что лезете в манеж, когда он занят, а?

– Я, э-э. . простите, господин Тот, – забормотал конюх, прижимая к себе треклятую лопату.

– Ладно, – буркнул Леслав, – Лопату положи. Осторожно! – и, прихрамывая подвел жеребца к растерянному конюху.

– Отведешь, – велел, передавая повод.

Выволочку надо было бы этому идиоту устроить, но неожиданно, именно сейчас Леслав почувствовал, как сильно устал. И что вот если он немедленно не присядет – или, лучше, не приляжет куда-нибудь, то измученное тело проделает это помимо его воли, плюхнувшись в эти чудесные свежие опилки. Провожая взглядом вороной круп пританцовывающего жеребца, Леслав подумал, что, наверное, уже слишком стар для укрощения чистокровных норовистых коней. И, к сожалению, он не Заклинатель – как бы ему ни хотелось себя в этом убедить.

И, наверное, эта мысль была самым скверным, что случилось с ним за это утро.

Слишком стар. Вся беда была в том, что он не мог точно определить, насколько. Мысли о возрасте в последнее время посещали его довольно часто. Как и сладковатый привкус страха – всякий раз, когда Леслав собирался посмотреть в зеркало. Возможно, следовало бы обратиться к врачу, но Леслав не знал, как описать то, что с ним происходит.

Видите ли, доктор, я Создатель иллюзий. Незарегистрированный, кстати. Да, я знаю, что за это положена тюрьма, потому что влияние мастеров иллюзий на незащищенный мозг человека – без заключения договора и явно выраженного согласия субъекта – строго запрещен.

К тому же, я именно Мастер. Мои иллюзии – не слабенькие поделки жриц из домов удовольствий. Те развеиваются без следа, стоит жрице прервать телесный контакт с клиентом.

Я же... Я могу поддерживать долговременные о очень качественные иллюзии.

Я меняю внешность, исправляю воспоминания и память. И выстраиваю целые иллюзорные жизни вокруг самого себя. И включаю в эти иллюзии и свой собственный мозг. Так, что я начинаю не просто играть – но и жить внутри этой иллюзии. Потому она получается такого качества, что ее почти невозможно обнаружить – и раскрыть.

Но сейчас, кажется, я слишком увлекся.

Я решил спрятаться подальше... подальше от своих прежних лиц и жизней.

Я придумал старика. Нелюдимого и желчного, богача с безобидной придурью. Любителя лошадей, который мечтал стать заклинателем, но не получилось. Зато у него роскошный дом и парк с воздушным куполом, сейф с сокровищами – и даже потерянная когда-то давно и снова обретенная дочь.

Но теперь мне кажется, что я старею быстрее, чем следует. Каждый день у меня появляется по новой морщине и седеет еще одна прядь волос. Я отпустил бороду, чтобы не бриться – и не видеть себя в зеркале каждый день, и чтобы моя дочь как можно позже заметила то, что происходит со мной.

Леслав знал, что есть такая болезнь – преждевременное старение, но он был уверен, что это не имеет к нему никакого отношения. Причина была иной. Леслав знал это, точно так же, как знал, что никакой врач ему не поможет.

Причина лежала на бархатной подушечке в нескораемом потайном сейфе в кабинете Леслава Тода.

Там же была заперта еще одна, потайная жизнь Леслава, к которой он теперь почти не обращался. Денег пока хватало, и он решил, что пора остановиться.

Но ему казалось, что когда его руки снова заморожено тянулись набрать код на дверце этого сейфа, – нет, он даже мог поклясться, что иногда слышит хихиканье, доносящееся из-за этой дверцы. . . Интересно, может ли эта штука на самом деле хихикать? И вообще, что она еще может? За все в жизни надо платить; и возможно, время, все туже закручивающее свои змеиные кольца вокруг стремительно стареющего Леслава, и было той самой расплатой. . .

Этой весной, впервые почувствовав на своей шее дыхание старости из последней, придуманной жизни, Леслав попытался подсчитать, сколько ему лет.

Он никогда не знал точно ни дня, ни года, ни места своего рождения. Леслав был сиротой. Подкидышем. Мачеха-жизнь не особенно-то баловала его в детстве праздничными тортиками, на которых можно подсчитать количество зажженных свечек. Он вообще почти не пробовал на вкус ни тортиков, ни праздников – до тех пор, пока не понял, что подобных удовольствий можно прождать всю жизнь, если не научиться находить и брать их самому. Даже в том случае, если тебе никто и не собирался их давать. А еще он неожиданно понял, что у него, оказывается, есть для этого прекрасный инструмент.

Мастерство Иллюзии.

И теперь он завершил свою самую лучшую иллюзию.

Он полагал, что если она будет раскрыта, ее назовут Иллюзией века. Это подогревало самолюбие. Чуть-чуть. На самом деле, Леслав не хотел, чтобы все открылось. Более того, в последнее время он все сильнее боялся, что это произойдет. Наверное, он просто устал жить в напряжении. Хотелось, наконец расслабиться, отдохнуть, насладиться спокойной и обеспеченной жизнью, которой он с такими усилиями рвался долгие годы. Усилия увенчались успехом – даже большим, чем он когда-либо рассчитывал.

Счет в банке, выраженный суммой с изрядным количеством нулей, новый роскошный дом, который Леслав построил по собственному эскизу. Эскиз напоминал рисунок ребенка, влюбленного в волшебные сказки. Дом получился похожим на замок – с башенками, галереями, зимним садом, роскошной библиотекой, не менее роскошным винным погребом, и огромной пристройкой, включающей в себя конюшни и два манежа – открытый и зимний. Что еще нужно человеку, большую часть своей жизни прожившему в нищете, тайно и безнадежно мечтающему о королевской роскоши – шелковых рубашках, дорогих винах, хороших книгах и арабских лошадях?

Иногда, в детстве он представлял себя отпрыском знатного рода, в результате гнусной интриги подброшенного в нежном младенческом возрасте в бумажном кулечке к дверям сиротского приюта. Тогда зовом крови можно было бы объяснить стремление нищего оборвыша к красивой и роскошной жизни. А может, в том были виноваты всего-навсего пара сантимен-

тальных романов, прочитанных упомянутым оборвышем на холодном чердаке заброшенного дома за ужином из хлеба и морковки, украденных из лошадиных яслей спортивной конюшни. Когда романы закончились, а на чердаке стало совсем холодно, оборвыш перебрался поближе к источнику своего питания. Ночи, проведенные в кормушке на мягкой подстилке из сена под добродушное фырканье теплых бархатных лошадиных ноздрей, были, наверное самыми спокойными и уютными за несколько предыдущих – и последующих лет. В то время Леслав скрывался от мести главаря банды воров-малолеток, не шутя называвшим себя Королем и требовавшим от подданных соответствующего своему сану подобострастия и почтения. Конюшня оказалась достаточно надежным убежищем. Спустя некоторое время Леслав уже честно отработывал свою морковку – а также порой и кое-что, более похожее на человеческий ужин – выгребая навоз из денников и развозя на тачке опилки для свежей подстилки. Потом, облеченный доверием добродушного старичка-конюха, он учился чистить лошадей, с удовольствием наглаживая щеткой шелковисто блестящие теплые бока красивых добродушных животных. Иногда, вечерами, когда Заклинатели лошадей уже уходили из конюшни, конюх позволял ему поседлать одну из смиренных лошадей и немного порысать по манежу. Леслав, разомлевший и расслабившийся от спокойной и сытой жизни, влюбившийся в лошадей, уже вполне серьезно, слегка пугаясь собственной дерзости, мечтал о будущем Заклинателя лошадей. О своих лошадях, шелковом камзоле со своими цветами, ежедневных тренировках в пахнущем опилками манеже, скачках, победах и серебряных кубках. Подобные фантазии развлекали его до тех пор, пока хозяин конюшни не обнаружил в своих владениях мальчишку сомнительного происхождения и репутации, и, несмотря на заступничество конюха, вытолкал маленького проходимца взыскатель с напутствием больше никогда не показываться поблизости.

Леслав пытался было заикнуться, что он – будущий Заклинатель, просто дар раскрывается медленно, но он чувствует явный прогресс. И хозяин не прогадает, если позволит ему остаться.

Тот, разумеется, обсмеял наглого мальчишку – и неожиданно, это оказалось так обидно и болезненно, что у Леслава, действительно, раскрылся дар.

Наверное, он мог тогда попытаться еще раз поговорить с хозяином. И теперь уже заставить его сделать так, как хотел Леслав. Только почему-то от этой мысли ему стало тошно.

И он вернулся в прежнюю жизнь. И там поспособствовал смене династии на троне Короля воров.

Но мечта о лошадях – своих собственных лошадях, которых никто не мог бы у него отнять, о своей конюшне с кругом манежа, пахнущем свежими опилками, прилепилась к Леславу прочнее репья.

Он не любил лишний раз вспоминать извилистый путь к своему волшебному замку. Какая разница, как он это сделал? Через сколько иллюзий, выдуманных жизней и имен ему пришлось пройти. И сколько оставить позади. Да, он вор, укравший у своего друга. И трус, без объяснений бросивший женщину, которая его любила.

Он пытался отыскать ее, когда вернулся. Ее и ребенка, которого он так и не увидел. Если только безуспешность поисков может служить каким-то оправданием...

Он просто-напросто украл у зазевавшейся судьбы свой волшебный замок – так, как раньше она украла у него счастливое детство, любящих родителей – и, кто знает, может быть – баронский титул?

Судьба оказалась всего-навсего воровкой; нет, не так – скорее – Королевой воров. В ее королевстве надо было просто вести себя согласно местным правилам и законам. Леславу хотелось верить, что, наконец-то, после долгих лет войны, они достигли с Королевой некоторого взаимопонимания. Знаками примирения были – волшебный замок с конюшней, винным погребом и библиотекой; счет в банке; и, конечно, Кристина. Выдуманная дочь – предложенная

Королевой взамен бесследно исчезнувшей настоящей дочери и ее матери, которых Леслав так и не сумел отыскать.

Жизнь долгие десятилетия поворачивалась к Леславу то боком, то и вовсе задом, норвя при этом побольнее пнуть своими ослиными копытами. И вдруг неожиданно обернулась из упрямой ослицы в приветливую и доброжелательную фею, почем зря размахавшуюся над волшебной палочкой.

Волшебная палочка, впрочем, подозрительно напоминала некую суковатую дубину, бережно хранимую Леславом в несгораемом тайном сейфе. В последнее время он избегал открывать тайник, хотя, так и неразгаданная загадка содержимого так же, как и раньше, притягивала его. Может быть, гармония наладившейся жизни сделала его щепетильным – и он не хотел лишний раз напоминать себе, что он не просто Создатель иллюзий – но мошенник и вор? Вор, способный украсть у своего лучшего друга, которому, ко всему прочему, был обязан своей жизнью. А еще, в последнее время, Леслав стал бояться. Эта чертова дубина, надежно упрятанная в сейфе с самой современной охранной системой, пугала его. Всегда пугала – но чем дальше, тем больше. Слишком многое, происходившее из-за этого куска дерева, было необъяснимым. А в последнее время – и неожиданным.

В улыбке феи-жизни Леслав стал угадывать искусно замаскированный оскал. Леслав пытался успокаивать себя, объясняя невнятную пока тревогу вполне естественным ожиданием расплаты – за пару безоблачных лет. Но тревога не унималась. Можно было сколько убеждать себя, что все так и будет продолжаться, но... Мелочи... Пока только мелочи, как острые кончики клыков в улыбке феи-жизни... Главный инженер, добросовестно и бессловесно работавший несколько лет, стал любопытничать и шарить в бумагах. Журналист скандально известной газетенки, который неоднократно пытался получить у Леслава приватное интервью, и его цепкие глаза и вопросы с подковырками... Машины, иногда очень аккуратно пристраивавшиеся следом за автомобилем Леслава. Арабский жеребец, едва не убивший нового владельца, потому что какой-то олух-конюх шляется там, куда ему и нос высовывать не следует...

Олух-конюх... Леслав, устало опершись об ограду манежа, с удивлением смотрел, как конюх, неаккуратно и неумело ведя в поводу нервного жеребца, тыкается в двери денников, будто не имея понятия об их расположении.

– Эй, – окликнул его Леслав. – Новенький что-ли ?

– Я? Совершенно верно, господин Тот, – испуганно сказал конюх, вздрогнув от окрика.

– Справа, – подсказал Леслав. – Рядом с Клондайком. Вон тем, темно-гнедым.

– Спасибо, господин Тот, – вежливо поблагодарил конюх, и наконец нашел дверь указанного денника.

Леслав задумчиво пронаблюдал, как через пару минут – слишком быстро – конюх выскочил из денника и торопливо направился к выходу. Обнаружив в деннике нерасседланного мокрого жеребца, Леслав чертыхнулся, и, вместо того, чтобы догонять нерадивого конюха, занялся конем.

А когда Леслав вызвал к себе главного конюха, выяснилось, что никаких новых людей в последнее время на работу не нанимали. И, что, разумеется, без ведома господина Тота никто этого делать и не собирается. Господин Тот нахмурился, припомнил, что, кстати, на давешнем идиоте-конюхе не было форменной одежды, и с досадой решил, что в данной ситуации, кажется, идиотом оказался сам господин Тот. А также – охрана, которая пропускает в дом, и, что самое скверное – в конюшню с ценными лошадьми, кого попало. Начальник охраны оправдывался с самым искренним и честным лицом, так, что в конце беседы господин Тот уже засомневался, не галлюцинацией ли было утреннее происшествие. Привычка предполагать во всех странных происшествиях иллюзию сработала и сейчас.

Колено, однако, болело по-настоящему, и лопата была обнаружена на том самом месте, где ее бросил привидевшийся Леславу конюх.

По предположению главного конюха, причиной появления лазутчика в конюшне могло быть происки конкурентов, озабоченных предстоящим участием Клондайка в скачках. Беспокоясь о здоровье жеребца, конюх предложил организовать круглосуточное дежурство у денника.

Леслав эти идеи опровергать не стал, но задумался, чего же на самом деле пытался добиться утренний визитер.

И привкус страха – давно позабытый, но раньше не раз спасавший ему жизнь – подсказал, что, пожалуй, пришла пора завершать эту Иллюзию.

Пора опять бежать.

– Что-то случилось, пап? – спросила Кристина, озабоченно наблюдая, как Леслав ковыляет по лестнице на второй этаж.

– Случилась новая лошадь, – объяснил он, и с удовольствием разглядывая дочь – стройную и длинноногую, в коротенькой теннисной юбочке и майке, белизна которых казалась ослепительной на фоне загорелой кожи. Ракетка подмышкой, стакан сока в руке, нога в тенниске нетерпеливо постукивает об пол (соперник уже ждет на корте), и искренняя, чуть озабоченная улыбка, обращенная к сумасброду-папе, который на старости лет готов переломать себе все кости из-за какой-то глупой новой лошади.

– Наверное, я уже слишком стар для укрощения диких коней, – улыбаясь в ответ, предположил он.

– Глупости, па, – возмутилась она, – ты сам говорил, что нельзя быть слишком старым для чего-нибудь. Можно просто быть старым – или не быть старым. Ты не старый. Что-то серьезное – с ногой ?

– С ногой? Пустяки, – абсолютно честно ответил он, – Иди, опоздаешь.

И с улыбкой понаблюдал, как плюхнув на столик недопитый стакан, и, подхватив сумку, она умчалась. Золотокожий, бело-шелковый, смеющийся метеор. Славная девочка. Искренняя, добрая и умненькая. Не утратившая способности по-детски радоваться и восторгаться – интересным книгам, интересным людям, новому, похожему на волшебный замок, дому, красивым платьям.

«Хоть что-то – подумал он, – в этой придуманной жизни осталось настоящим. Хоть что-то, кажется, я сделал толковое. Надо будет придумать что-нибудь насчет моего исчезновения, чтобы она не очень огорчалась. Предположим, что я уже умер пару лет назад, и она уже почти об этом забыла...»

Сейф, как и полагается, был искусно замаскирован среди книжных полок. Леслав неторопливо набрал шифр, повернул ключ, и с усилием приоткрыл тяжелую бронированную дверцу, не очень-то понимая, зачем он это делает.

Посох лежал, как обычно, на длинной бархатной подушечке. Как маршальский жезл. Или королевский скипетр. Обыкновенная, кривоватая, с неровно обрубленными сучками, необработанная палка, чуть больше метра длиной. Темно-серая толстая кора местами потрескалась, и сквозь эти узкие трещины нежно светилось золотисто-розовое дерево.

Леслав протянул к нему руку и осторожно потрогал шероховатую поверхность. Кора казалась теплой и упругой, и чуть влажноватой, как будто посох был только что срублен и очищен от сучьев. За последние десять лет, пока он принадлежал Леславу, посох несколько не изменился. Во всяком случае, Леславу так казалось. Но, возможно, с этой штукой ни в чем нельзя быть до конца уверенным.

– Ну, что, – тихо спросил его Леслав, поглаживая теплое, золотисто сияющее сквозь трещины коры, дерево. – Что ты устроишь мне в следующий раз? Может быть, зацветешь? ...Ведь это твои штучки, а? Потому что уж в данном случае, я к этому непричастен, – и Леслав опять неприязненно покосился на развернутую на столике газету, где жирными черными, как будто пляшущими от волнения буквами, возвещалось, что с сегодняшнего дня удачливый охотник за единорогом может получить за свою добычу уже три миллиона евродолларов....

Ход 3. Назначение ролей происходит в самом начале игры

*Смерть наплывает, как лицо ребенка,
припавшего к стеклу снаружи
Элисео Диего*

... Как раз почти три миллиона настучал на своем калькуляторе с золочеными кнопками стройный красавчик доктор, косясь на Сомбру – не то сочувственно, не то ехидно – не то просто равнодушно. Из-за тонированных стекол дорогих очков выражение было точно не разглядеть. Очки, как подозревал Сомбра, надевались доктором для солидности – и еще, возможно, чтобы скрыть от посетителей хищный алый блеск. Вряд ли у Мастера крови могло быть плохое зрение.

Это лето было очень жарким, прокаленный солнцем воздух не успевал остывать за душные, не приносявшие облегчения, ночи, и разогревался все сильнее и сильнее, к началу августа достигнув, казалось, некоторого ослепительно горячего пика. Точки, после которой начинает закипать кровь в измученных пеклом человеческих телах. Чтобы доехать до клиники пришлось пробираться почти через весь город, напоминающий сейчас раскаленную на огне сковороду. Сковороду, на которой заживо медленно поджаривались, хватая ртом разогретый воздух, глупые люди-рыбки, судорожно бьющиеся о горячий металл агонизирующими телами.

Клиника была суперсовременная, дорогая. Прохладный полумрак обнял горячее тело сразу за бесшумно сомкнувшимися дверьми. Уютная, респектабельная прохлада по-хозяйски располагалась здесь везде – и в кабинетах, и в длинных, устланных мягкими коврами коридорах, и даже в роскошной зеркальной кабине лифта. У лифта и в нишах вдоль коридоров стояли в кадках настоящие живые деревья. Сомбра украдкой потрогал нежные листья, убеждаясь, что это не синтетика. Конечно, у такой клиники был свой приходящий Заклинатель растений.

Прохлада трогала нежными лапками вспотевшую кожу, щекотала мурашками, вползала под прилипшую к телу влажную одежду – и заставляла Сомбру поеживаться – и чуть ли не клавать зубами. То ли от неожиданного холода, то ли от волнения.

Он опять почувствовал себя совершенно нелепым в этом роскошном кожаном кресле – под ласковым дуновением невидимых кондиционеров, перед лживо-добродушной улыбкой доктора, одна булавка в галстук с алой каплей рябина стоила полугодовой зарплаты Сомбры.

– Ну вот, – сказал доктор, улыбаясь еще шире. Зубы они у него оказались обыкновенные, верно, насчет Заклинателей крови все врал – вампирских клыков во рту этого доктора не оказалось. – Вот где-то так. Плюс-минус десять-двадцать тысяч.

– Ага, – согласился Сомбра, у которого плыло в глазах. Он никак не мог сосредоточиться и еще раз пересчитать количество нулей на повернутом к нему серебристом циферблатике. Десять-двадцать тысяч – то есть незначительную, по мнению доктора, добавку к сияющим на циферблатике трем миллионам Сомбра зарабатывал за год.

– Ага, – повторил Сомбра, пряча под стол задрожавшие руки. – Скажите, а нельзя сделать это все в рассрочку?

– Ну, э... – приветливость растаяла на холеном лице. – Знаете ли, молодой человек, тут не банк. Возьмите ссуду, если у вас финансовые неприятности, – он развел руками – узкими длиннопальными ладонями. Сгреб в одно движение рекламные проспекты, которые он до этого показывал Сомбре, и аккуратно придавил их золоченым калькулятором. И выжидательно посмотрел на посетителя, давая понять, что беседа закончена.

– Я отработаю эти деньги. Очень быстро, – сказал Сомбра, зная, что лжет – и зная, что все больше скучнеющий доктор по ту сторону стола это понимает.

Три миллиона, деленные на десять тысяч – триста лет, при условии, что Сомбра не будет при этом есть, пить и тратиться на жилье. И что он проживет эти триста лет – как библейские пророки.

Сомбра почувствовал себя нищим и жалким. Не человеком – раздавленным в бесформенную и безликую человеческую тень в мятой дешевой рубашке. Совершенно плоскую и незначительную тень, на несколько мгновений, по ошибке затронувшую безупречное изящество этого роскошного кресла. Тень-самозванец перед роскошно одетым и благоухающим дорогим одеколоном королем, который снисходительно терпит краткое присутствие этой жалкой тени.

И Сомбра возненавидел – свою беспомощность и нищету, и это терпеливое снисхождение, равнодушно посматривающее на него с поднебесных высот докторского кресла.

Просто тень. Он всегда был тенью – особенно для таких, как этот доктор. Для заклинателей, случайно получивших какой-нибудь особенный дар, сделавший их уникальными. Успешными и богатыми.

– Я...серьезно. Я достану их из под земли, доктор, – повторил он уже более твердо. Почти решившись в эту минуту, под досадливым взглядом из-под золотой оправы дорогих очков – на убийство, ограбление, угон самолета, взятие заложников – все, что будет необходимо для добывания этих недостижимых трех миллионов.

Он отметил неожиданное изменение своего голоса – от вежливо-просительного до хриплого, почти угрожающего, протяжного, как звериный рык. И увидел, как

Доктор вздрогнул – еле заметно, испуганно блеснув на Сомбру настороженным взглядом из-под своих очков, и одна его рука соскользнула под стол. “Сейчас” – с глухим отчаянием подумал Сомбра: “Сейчас он позовет охрану, и вышвырнет меня отсюда”

Он стиснул зубы, борясь с двумя противоречивыми желаниями: одним прыжком перемануть через стол и раздавить в ладонях белую холеную шею доктора; и одновременно – с желанием броситься перед ним на колени.

У Сомбры опять помутнело в глазах – сильнее, чем тогда, когда он разглядывал цифру на калькуляторе. Он сдержался с большим трудом, понимая, что нельзя делать ни того, ни другого. Ни умолять, ни убивать. Потому что то, что он мог сейчас сделать, ничего не меняло. Для Альмы. И ему, в который раз за последнее время, захотелось завывать от своего бессилия. Как воеет дикий зверь, поняв непреодолимость решеток своей клетки.

– Она умрет, – хрипло сказал Сомбра, глядя как подрагивает пульс на белой шее доктора. Кажется, медленнее, чем у обычных людей. Интересно, Заклинатели крови действительно пьют кровь у своих пациентов? Или это тоже сказки – как и вампирские клыки?

И легко ли их убить – если, например, сжать эту белую шею в руках? Если бы только это что-нибудь изменило...

Доктор вздрогнул – будто улышал эти мысли.

– Я вам сочувствую, молодой человек, – мягко сказал он. Но Сомбра услышал в его голосе – не растерянность, с которой доктор потрогал золотую оправу своих очков, и не сочувствие, о котором он говорил – а беспощадность.

«Вероятно, они уже вообще не люди, – вспомнил Сомбра статью, в последнее время разошедшуюся по сети. Она объясняла очевидное, уже понятное всем, кто хоть немного задумывался о происходящем. Просто мало кто решался произнести это вслух.

«Дар или стихия со временем захватывает носителей все сильнее, постепенно вытесняя из них человеческое, – писал анонимный журналист, – ... и обычным людям становится все сложнее договориться с ними. Перед нами самый, пожалуй, значительный парадокс нашего времени. Потому что Одаренные появились как посредники между людьми и вышедшими из под контроля стихиями, с которыми сами люди уже потеряли возможность договариваться».

– Попробуйте обратиться в муниципальную клинику, – предложил доктор.

– Но там ее не спасут.

– Вряд ли, – согласился Заклинатель. – Вашей жене нужно вырастить новое сердце, заменить сосуды... немного изменить состав крови... Тогда можно дать какие-то гарантии.

– А почему в муниципальных клиниках не работают Мастера крови? – спросил Сомбра.

– Потому что нас мало? – предположил доктор с тонкой улыбкой.

– Но ведь дары появляются в ответ на необходимость в них... Сейчас столько людей умирает потому, что обычные врачи не могут им помочь...

– Возможно, – холодно заметил доктор, – тот, кто распределяет эти дары, не считает, что нужно помогать всем людям?

Потом, должно быть, он что-то заметил в лице Сомбры – и добавил:

– Простите. Но вы рассуждаете о таких вещах, о которых не имеете никакого понятия. Вероятно, вы прочли это в прессе? Там пишут... много всякого...

Доктор вдруг придвинул к себе планшет, мазнул по нему пальцем.

– Вот, пожалуйста, вам еще свежая новость. «Черный единорог появился в Уральских горах. Он пришел, чтобы наделить Даром того, кого сочтет достойным». Кстати, – заметил он, покосившись на Сомбру, – вероятно, многие верят. Потому что некоторые любители экзотики... а, возможно, жаждущие Даров – предлагают за это животное как раз три миллиона. Вижу по вашему лицу, что вы хотите попробовать? Попросить у единорога Дар крови, чтобы вылечить жену? Бросьте, это так не работает.

– Или три миллиона, – перебил его Сомбра. – Спасибо за идею.

Сомбра шел к выходу по прохладным коридорам, вдыхая чудесный свежий воздух. И вспоминал, что там было дальше, в той статье про одаренных.

«...Одаренные появились как посредники между людьми и вышедшими из под контроля стихиями, с которыми сами люди уже потеряли возможность договариваться. Произошло это, конечно же, по вине самих людей, которые слишком долго воспринимали дары нашего мира, земли и природы как само собой разумеющееся. Мы не просто бестолково и бездумно транжирили доставшиеся нам богатства – но и уничтожали их, топтали, вырубали, убивали. Наивно и самонадеянно вообразив себя царями и единственными владыками всего мира, вместо того, чтобы беречь его, мы его жестоко убивали. И безмолвные ранее жертвы взбунтовались. Деревья и цветы теперь отказываются расти в нашем присутствии. Воздух стал непригоден для дыхания. Мы можем дышать только в масках, фильтрах или под куполами с искусственным воздухом. Будто мы перестали быть родными детьми этого мира, а стали чужаками, захватчиками. Животные более не подчиняются нам. Сама земля горит у нас под ногами, заливая города магмой и пеплом – и если бы Заклинатели огня не сдерживали эту мощь, наши земли уже бы давно были сожжены дотла. Если бы не Садовники, которые получили дар договариваться с растениями, на планете уже не осталось бы ни одного дерева и цветка. Если бы не Заклинатели крови, люди вымерли бы от новых вирусов и эпидемий, с которыми уже не справляется официальная медицина. Но со временем люди утрачивают способность договариваться и с самими посредниками, носителями Даров – и так, вероятно, утрачивают и надежду на то, что у человека обыкновенного, такого, каким мы его помним в прошлом – что у этого человека есть шанс на выживание. Возможно, со временем, в нашем мире останутся одни одаренные – те, кто сумеет договориться со своим даром, стихией и с нашей измученной человечеством планетой».

Ход 4. Во время игры нельзя поменять роли

*Легко спутать плеск воды с шепотом щербатого рта времени
Элисео Диего*

Достигшая в начале августа рекордной для мифозверя отметки в три миллиона (самый дорогой до этого – василиск, подпаливший при своей поимке нескольких охотников, стоил Яппелю два миллиона с половиной), цена единорога к середине месяца взлетела до невероятных высот.

Пятнадцатого августа выскочка и мафиози Жуис, сделавший свое дурно пахивавшее имя и состояние на проституции, наркотиках и иллюзиях, неожиданно включился в торг и во всеуслышание округлил предыдущее предложение Агасиса до шести миллионов. Возмущенный Агасис, гневно ответил на это наглое заявление в официальной прессе довольно язвительным интервью, в котором резко прошелся по поводу низкопробных вкусов Жуиса. Мол, не стоит стараться рядиться в модные одежды, потому что приличные люди все равно разглядят под ними свинью. Под приличными людьми Агасис видимо подразумевал свою персону. Как бы то ни было, интервью с миллиардером было с удовольствием напечатано почти во всех вечерних газетах – с объявлением новой цены, щедро увеличенной Агасисом на двести тысяч.

В результате всего этого на следующий день непойманный еще единорог стоил уже семь миллионов. Это последнее предложение было сделано, как всегда, Яппелем, который громких заявлений и интервью избегал, но почему-то почти всегда умудрялся оставлять за собой последнее слово.

Единорог ловиться не желал. Очевидцы один за другим взахлеб рассказывали об увиденном единороге. Зрителям и читателям демонстрировались фотографии и видео, где элегантный черный единорог скакал по зеленым лужайкам и горным склонам; и даже гипсовые слепки отпечатков следов маленьких аккуратных копыт единорога, имевшие почему-то форму треугольника, что послужило поводом в первое время для гневных обвинений в фальсификации. Ученые, мол, высчитали, что на таких копытцах животное такого размера не то, чтобы передвигаться, но даже просто стоять – никоим образом не сможет. Единорог же, как будто специально, чтобы позлить профессоров, имел наглость не только стоять и передвигаться. Но, ко всему прочему еще так здорово передвигаться, что уже три месяца лучшие охотники мира потели и ломали снаряжение и ноги в совершенно забытых богом и цивилизацией Уральских горах в тщетной погоне за проклятой животной.

По мере взвинчивания цены и накала страстей миллиардеров, желавших во что бы то ни стало отспорить друг у друга эбеново-черный приз, охотников становилось все больше и больше.

Страсти накалялись, цена росла, миллиардеры в интервью и на дружеских приемах поливали друг друга грязью и спиртными напитками (был прецедент), профессора биологии таскали друг друга за бороды в пылу спора об уточнении трапецевидности формы единорогового копытца (был прецедент), охотники ломали ноги и шеи в Уральских горах, употребляя название этих гор в нецензурных и неприличных выражениях на разнообразных языках (количество имевших место прецедентов пересчитать не представлялось возможным). Остальная мировая общественность, не принимавшая непосредственного участия в процессе, с трепетом следила за развитием событий, и, лишенная удовольствия с введением единой валюты наблюдать и переживать скачки курсов относительно друг друга, теперь увлеченно отмечала рост назначаемой за единорога цены...

Ход 5. Некоторые ходы не дают игроку возможности выбора

*Неразумно путать порывы ветра с ударами слепого прерывистого
дряхлого сердца времени
Элисео Диего*

... Фея-жизнь обернулась-таки ослицей (эбеново-черной, однорогой и золотокопытной), а волшебный замок, который Леслав Тот придумал и построил для себя и своей принцессы-дочери, превратился в клетку.

– Ты плохо выглядишь, па, – озабоченно сказала Кристина, увидев его за завтраком. Тадуеш в последнее время избегал ее общества. По той же причине, по которой избегал зеркала. Потому что он выглядел плохо уже давно.

– Я немного расстроен, – сказал он заранее заготовленную фразу и снабдил ее заранее заготовленной улыбкой: – разлукой с тобой, моя девочка.

Кристино лицо из озабоченного стало изумленным. Леслав, предваряя ее вопрос, выложил на стол разноцветный веер – авиабилет, паспорт, чековую книжку, дарственную на дом-замок и купчую – на другой дом, точнее, квартиру.

– Париж, Елисейские поля, квартира на рю де Клиши – тебе нравится как это звучит, девочка? Ты как раз успеешь к началу семестра в Сорбонне. Курс выберешь сама. Что тебе больше понравится.

– А... – растерянно начала Кристина.

– Ты уже выросла, девочка, – перебил ее Леслав. Вложил разноцветный веер в ее ладонь – и легонько погладил тонкие загорелые пальчики.

А сам подумал – совершенно непохожа на бледного заморыша, которого я раскопал в пыльных залежах книжек в букинистической лавке.

Он нашел Кристину в маленьком пыльном букинистическом магазинчике, где она под придирчивым взглядом крючконосого старика переставляла с полки на полку тяжеленные фолианты и таскала стопки иллюстрированных журналов. Леслав любил копаться в залежах старых книг вот именно в таких маленьких магазинчиках, где среди сора, пыли, растрепанных страниц и незамысловатой чепухи в ярких глянцево-обложках, можно было иногда отыскать настоящее сокровище в каком-нибудь потертом неприглядном переплете. Но в тот раз раскопки книжного клада не увлекли его, как обычно. Рассеянно перебирая старые тома, Леслав смотрел, как бледная девочка, с трудом балансируя на стремянке, торопливо расставляет на полке тяжелые фолианты, вздрагивая от раздраженных окриков сердитого старика. Светлые волосы девочки были собраны на затылке в уродливый старушечий пучок, платье, застиранное и вылинявшее, висело на ее худеньких плечах бесформенным балахоном, а глаза... Глаза у нее неожиданно оказались яркими, серо-голубыми, цвета живой воды в весеннем ручье; удивительными – задумчивыми и умными. Когда она посмотрела на Леслава, почувствовав его внимательный взгляд, у Леслава перехватило дыхание. Он и сам не смог понять отчего. То ли от изумления – сродни тому восторгу, который он испытывал, находя в пыльном беспорядке старых книг неожиданную, никем не замеченную до этого, драгоценность – то ли от жалости. То ли от мысли, выскользнувшей из спутанных сумерек воспоминаний, которые он уже решил забыть – что это могла бы быть его дочь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.